

Необходимо провести полную ревизию российского законодательства начиная с 1991 года. А до этого объявить мораторий на принятие поправок в действующие законы.

Такое радикальное предложение сделал известный адвокат, член Общественной палаты РФ, председатель Общественного совета при МВД Анатолий Кучерена.

Анатолий Григорьевич, чем вызвано ваше столь радикальное предложение?

Анатолий Кучерена: Бесконечные изменения привели к тому, что сотни законов, тысячи подзаконных нормативных актов и инструкций стали противоречить друг другу, статьи одного отменяют положения другого. Разобраться в этой путанице бывает не под силу даже профессиональному юристу, а что говорить об обычном человеке.

Особенно тревожит поставленное на поток рассмотрение дел в судах в так называемом особом порядке. На сегодняшний день 64 процента уголовных дел по стране рассматривается именно в таком порядке. Лишь за год с его применением осудили 570 тысяч россиян.

- Это хорошо или плохо? Новация не так давно вошла в наш уголовный закон, и за нее, кстати, многие настойчиво боролись. Ссылались, в частности, на опыт США, где такая практика помогла нанести решительный удар по организованной преступности.

Анатолий Кучерена: Лично я не разделял бы восторгов тех, кто считает опыт США идеалом, и не копировал его. У нас есть и свой опыт «упрощенного» правосудия, мы им сыты по горло: это и ревтрибуналы, и военно-полевые суды, и печально знаменитые сталинские «тройки». Фактически мы опять обращаемся к средневековому принципу, когда признание вины считалось царицей доказательств. Ведь что такое «особый порядок судопроизводства»? Человек привлекается к уголовной ответственности, и ему следователь говорит: слушай, ты давай признавайся, пиши заявление, чтобы твое дело рассматривалось в особом порядке. Тебе светит 10 лет, а так ты получишь 7. И все, капкан захлопнулся...

Почему именно капкан? Если человек честно во всем сознается, раскроет детали преступления, сдаст подельников - разве это плохо?

Анатолий Кучерена:

А что такое человеку оказаться в тюремной камере? Он не знает всех хитросплетений нашего законодательства и не понимает, есть у него шансы на справедливый суд или нет. За решеткой он особенно уязвим для внушения и давления и словно слепой котенок подчиняется чужой воле. А ведь часто бывает, что изначальная и вроде бы очевидная версия оказывается ложной. При детальном исследовании доказательств в судебном процессе вполне может выясниться, что человек виновен лишь частично, либо вообще получить оправдательный приговор. Но особый порядок не предполагает исследования и оценки доказательств по делу, это же на самом деле так. И что тогда? А тогда получается 570 тысяч осужденных за год. Мы скоро доиграемся до того, что у нас все тюрьмы будут забиты...

А это такая игра? Может быть, тогда не случайно юридический термин «особый порядок судебного разбирательства» в народе называют проще - сделка с правосудием.

Анатолий Кучерена:

Я считаю - сделка с совестью, причем на всех уровнях. Для преступника это шанс выторговать себе меньший срок или вообще избежать наказания. Для следователя соблазн, не прилагая особых усилий, лишь грамотно «раскрутить» обвиняемого и отрапортовать о раскрытии преступления. Прокурор, заключая соглашение с обвиняемым, заведомо не имеет полномочий выполнить взятые обязательства,

поскольку наказание назначает не он, а суд. Или возникнет нехорошая мысль, что они с судом действуют согласованно? А адвокат лишен оснований заявить о процессуальных нарушениях, о том, что прямых улик нет и вину подсудимого вообще-то никто не доказал. Если так рассуждать, мы никогда ни порядка не наведем, ни преступность не одолеем. Закон, пусть даже несовершенный, лучше, чем его отсутствие.

Анатолий Кучерена:

И я о том же, но работать мы должны совершенно по другому принципу - либо доказать виновность, либо доказать невиновность человека. К сожалению, мы принимаем законы, которые облегчают участь правоохранительных органов и судебной системы. И это одна из причин, почему сегодня так много людей в местах лишения свободы. А должно быть все наоборот. Не статистика, не вот эти жирные цифры - показатели, как кто борется с преступностью, должны определять авторитет права. Это все от лукавого.

Признаюсь честно, я был в числе тех, кто «за» принятие этого закона. Считал, если отморозок поможет ликвидировать бандитскую шайку вместе с главарем, то оно того стоит, чтобы скостить ему пару-тройку лет. Таким и был изначальный посыл авторов закона. Но недавно разнеслась шокирующая новость: пьяному водителю, убившему насмерть двух человек, дали 3 года условно - якобы он заключил сделку со следствием. Какие тайны он мог поведать, разве что это теща поднесла ему стаканчик на дорогу? Можете объяснить, зачем следствие и суд идут на сделку в условиях очевидности преступления?

Анатолий Кучерена: Могу высказать твердое убеждение, что особый порядок, который предусмотрен действующим УПК, разлагает и правоохранительную, и судебную систему. На недавнем совещании в Генпрокуратуре прозвучала большая озабоченность по поводу того, что практика, к сожалению, идет своим путем, временами абсолютно непредсказуемым. Об этом говорят и потоки жалоб. Жена пишет: мой муж подвергся влиянию следователя и все подписал. Но когда понял, что зря, ведь преступления он не совершал, было уже поздно, его никто и слушать не стал...

Конечно, закон принимался на эмоциональном фоне. Чудовищные преступления, гибель малолетних детей, дерзкие грабежи и жестокие убийства - все это вызывает к мести. И мы, граждане, в сердцах требуем: негодяя расстрелять мало, его надо повесить... Как соотносить закон и жизнь, тяжесть преступления и меру наказания?

Анатолий Кучерена: Вот и давайте посмотрим, а что мы сделали, чтобы система, уголовно-правовая политика государства была сбалансированной, чтобы наступила неотвратимость наказания действительно того человека, который совершил преступление. Признание вины - еще не истина в последней инстанции. Обвиняемый может взять вину на себя, чтобы выгородить близкого человека или из раскаяния за другие грехи. Может сделать это под влиянием депрессии, неизлечимой болезни или угроз со стороны подельников, да мало ли еще каких мотивов. Истина по делу может и должна быть установлена в ходе расследования и судебного следствия. А принимая закон о соглашении с правосудием, мы создаем другую проблему. Вот почему необходимо провести полную инвентаризацию всего того, что сделано за прошедшие годы. Надо все проверить, оценить и, может быть, многое начать с чистого листа, с учетом прежних ошибок и пробелов.

Вы имеете в виду исключительно уголовный закон?

Анатолий Кучерена:

И уголовный, и гражданский, все законодательство, которое было принято, начиная с

1991 года. Для этого собрать группу экспертов из специалистов высочайшей юридической квалификации и определить, где мы перемудрили, какие ошибки были допущены, что нас тащит назад. Через призму опять-таки прав и свобод гражданина. Это принципиально важный вопрос, чтобы для своих граждан, для россиян, сделать более качественную жизнь. Говорят, что закон должен действовать 50-100 лет. Может, так и было когда-то, но теперь жизнь меняется быстрее, в 1991 году были одни условия, а в 2015-м совершенно другие.

Борис Ямшанов